

П. А. Дружинин

О ПОДЛИННОМ АВТОРЕ ЖИЗНЕОПИСАНИЯ
НИКОЛАЯ НИКОЛАЕВИЧА БАНТЫША-КАМЕНСКОГО

В 1818 году в Москве в типографии Императорской медико-хирургической академии в свет вышла книга «Жизнь Николая Николаевича Бантыша-Каменского, с портретом его» — подробное жизнеописание замечательного русского археографа, написанное со знанием дела, на исключительно высоком для того времени научном уровне. До сего дня этот труд сохраняет свое значение не только в качестве основополагающего источника для биографии Н. Н. Бантыша-Каменского, но и для русской историографии вообще. Книга эта всегда и безоговорочно считалась и считается сочинением его сына, историка Дмитрия Николаевича Бантыша-Каменского. Как его творение она вошла во все списки его научного наследия и ныне под его же именем включена в Сводный каталог русской книги 1801–1825 гг.¹

В 1814 году, как мы знаем, Дмитрием Николаевичем было издано «Историческое собрание списков кавалеров», написанное его отцом. Но в том случае на изменение подлинного имени автора была воля Николая Николаевича: посредством книги он желал доставить своему сыну благоволение высшего начальства, поступившись своим честолюбием. Безусловно, отец достиг желаемого, поскольку вскоре Дмитрий Николаевич был переведен в столицу, да и вообще оказался достоин такой жертвы: он вошел в историю своими научно-литературными трудами, не говоря о том, что при жизни имел высокое административное положение, кончив свои дни в звании тайного советника, то есть с третьеклассным чином по Табели

¹ Сводный каталог русской книги, 1801–1825. Т. 1: А–Д. М., 2000. С. 91. № 419.

о рангах. Таким образом, в 1814 году введение читателей в заблуждение было осознанным действием, волей истинного автора.

Ситуация 1818 года чем-то напоминает историю «Исторического собрания списков кавалерам», поскольку Дмитрий Николаевич в действительности не был ее автором; впрочем, он на самом деле и не выдавал себя за такового. При этом можно сказать, что истинный автор «Жизни Николая Николаевича Бантыша-Каменского» явно не был честолюбцем — ни на титульном листе, ни в тексте книги нет имени сочинителя. Издана книга была в достаточно небольшом числе экземпляров и давно стала редкостью², особенно если при экземпляре имеется гравированный А. А. Осиповым портрет героя книги (который, несмотря на обещание читателям, прилагался отнюдь не ко всем экземплярам). Портрет этот был награвирован еще в 1815 году для П. П. Бекетова, с него были сделаны пробные отпечатки, но для издания 1818 года на доске была заново вырезана подпись с именем и датами жизни изображенного³.

«Жизнь Николая Николаевича Бантыша-Каменского» была написана не позднее 1816 года, по крайней мере цензурное разрешение было дано ординарным профессором церковной истории Московского университета М. М. Снегиревым (1760–1821) 20 октября 1816-го, вышла в свет книга только в 1818 году. Критика отметила книгу в декабре 1818 года: в журнале «Вестник Европы» был перепечатан ее небольшой фрагмент (эпизод с обстоятельствами Чумного бунта 1771 года и трагической кончины архиепископа Амвросия), а также помещена редакционная заметка об издании в целом: «Многочисленные почитатели памяти незабвенного мужа прочтут с умилением описание жизни того, кто делал добро лишь для одного добра, а не из каких-либо других видов, как то случается замечать в других благотворителях, которых коварные своекорыстные благодеяния хуже явных злодеяний, ибо от сих можно остеречься»⁴. Ни в этой рецензии, ни в прочих откликах на издание не было сказано ни слова об авторе.

Но совсем скоро, в 1820 году, книга вошла в основополагающий библиографический свод, составленный В. Г. Анастасевичем, — «Роспись

² Соловьев Н. Редкие книги. Каталог № 105. СПб., 1910. № 147.

³ Ровинский Д. А. Подробный словарь русских гравированных портретов. Т. I: А–Д. СПб., 1886. Стб. 366.

⁴ Любопытный отрывок из Жизни Н. Н. Бантыша-Каменского // Вестник Европы, издаваемый Михаилом Каченовским. М., 1818. Ч. II. № 24, декабрь. С. 273.

российским книгам для чтения из библиотеки В. Плавильщикова», в раздел жизнеописаний: «Бантыша-Каменского (жизнь Николая Николаевича), с портретом его; Д. Б[антыша-] Каменского»⁵. Вслед за этим, в 1829 году, мы видим ее и в «Росписи российским книгам» А. Ф. Смирдина, также с указанием имени автора: «Жизнь Николая Николаевича Бантыша-Каменского. Соч. Дмитрия Бантыша-Каменского»⁶. Нам не известно, чтобы Дмитрий Николаевич как-то откликнулся на это. Но когда в 1830 году в Москве вышел французский перевод книги (*Biographie de M. Bantisch-Kamensky. Moscou, 1830. — 70 p., avec portrait*), с прекрасным портретом, заново награвированным И. Фридрицем, под смотрением Н. И. Уткина, то и эта книга впоследствии считалась, в том числе в перечне Г. Н. Геннади, сочинением Д. Н. Бантыша-Каменского⁷. В 1876 году тот же Г. Н. Геннади, поместив оба издания в список сочинений Д. Н. Бантыша-Каменского⁸, поместил «перепечатано в Словаре», разумея «Словарь достопамятных людей Русской земли» Д. Н. Бантыша-Каменского, однако это неверно: там помещен лишь краткий биографический очерк⁹. Впоследствии, когда французское издание включалось в библиографические справочники, оно неизменно сопровождалось указанием Д. Н. Бантыша-Каменского как автора, наравне с русским. Русское же было учтено В. И. Межовым в «Русской исторической библиографии» (1893) с указанием, что «написано его сыном Дмитрием»¹⁰; В. С. Иконников¹¹ (в словаре С. А. Венгерова) также поместил книгу в список трудов сына; и так далее, вплоть до сего дня.

⁵ [Анастасевич В. Г.] Роспись российским книгам для чтения из библиотеки В. Плавильщикова, систематическим порядком расположенная. СПб., 1820. С. 291. № 3415.

⁶ Роспись российским книгам для чтения из библиотеки Александра Смирдина... СПб., 1828. С. 219, № 2893.

⁷ Ghennady G. Les écrivains franco-russes: bibliographie des ouvrages français, publiés par les Russes. Dresde, 1874. P. 1.

⁸ Геннади Г. Н. Справочный словарь о русских писателях и ученых, умерших в XVIII и XIX столетиях и список русских книг с 1725 по 1825 г. Берлин, 1876. Т. I, А–Е. С. 63.

⁹ Бантыш-Каменский Д. Н. Словарь достопамятных людей Русской земли... М., 1836. Ч. I, А–В. С. 85–93.

¹⁰ Межов В. И. Русская историческая библиография: Указатель книг и статей по русской истории и вспомогательным наукам за 1800–1854 вкл. Т. II. СПб., 1893. С. 41. № 11675–11676.

¹¹ Иконников В. С. Бантыш-Каменский Дмитрий Николаевич // Венгеров С. А. Критико-биографический словарь русских писателей и ученых. Т. II. СПб., 1891. С. 94.

I. Несколько слов об Августе Ивановиче Семене и типографии Медико-хирургической академии

Позволим себе остановиться на том заведении, в котором напечатана книга — типографии Московского отделения Императорской медико-хирургической академии. В данном случае такое указание на титульном листе ничуть не противоречит тому, чтобы книга была сочинением Д. Н. Бантыша-Каменского, даже более: именно в этой типографии, когда она еще принадлежала Н. С. Всеволожскому, Д. Н. Бантыш-Каменский напечатал значительную долю книг: в 1812–1813 году — «Деяния знаменитых полководцев и министров, служивших в царствование императора Петра Великого»; в 1814-м — «Историческое собрание списков кавалерам» (в действительности составленное отцом); в 1817-м — «Правила пиитические о стихотворении российском и латинском» Аполлоса (Байбакова).

Как можно понять по предыдущему очерку, определяющую роль в полиграфическом исполнении изданий типографии Н. С. Всеволожского играл ее фактор, француз Август (Иванович) Рене-Семен, приехавший из Парижа, затем путешествовавший из Москвы в Париж за станами для типографии Всеволожского, еще и соответствовавший ему своими идеалами — вступивший в масонскую ложу¹², а вскоре и породнившийся со Всеволожскими посредством женитьбы на падчерице. Всеволожский доверял ему всецело и, например, когда в 1816 году уезжал из Первопрестольной, то подал 7 февраля 1816 года в Цензурный комитет при Московском университете такое прошение: «Отъезжая в С. Петербург я все выходящие из типографии моей книги в отсутствие поручил подписывать в верность их с цензурованным подлинником смотрителю означенной типографии моей Августу Рене Семену, о чем долгом поставляю дать знать Цензурному Комитету»¹³.

Вопрос о том, когда же все-таки Август Семен прибыл в Россию, до сих пор не решен. Первоначально считалось, согласуясь с мнением Б. Л. Модзалевского (1903), что прибыл он, сопровождая из Франции к Всеволожскому шрифты и типографическое оборудование, то есть в 1809 году.

¹² Дружинин П. А. К биографии типографа и книгоиздателя Августа Семена // Книга: исследования и материалы. Сб. 72. М., 1996. С. 212–216.

¹³ ЦИАМ. Ф. 31. Оп. 1. Д. 48. Л. 20.

Опубликованные в 2006 году¹⁴ (в предыдущей статье) материалы позволили установить, что А. И. Семен в 1809 году уже был в России и из России отправился в Париж за шрифтами и типографическими принадлежностями. Согласно таким данным можно было лишь утверждать, что он «приехал в Москву в первые годы XIX века»¹⁵. Но когда именно?

На этот вопрос мы можем наконец-то дать однозначный ответ, поскольку в материалах Архива внешней политики Российской Империи МИД РФ сохранились материалы, позволяющие нам это сделать.

Разрешение («visa») для проезда в Россию (до Москвы) Август Семен («Augustin Semen de Paris, Libraire») получил 1 (13) сентября 1813 года от русского консула во Франкфурте-на-Майне Мориса Симона Бетмана (Betmann, 1763–1826), на основании паспорта, выданного Префектурой Парижа 29 августа 1806 года¹⁶. Таким образом, приезд А. И. Семена в Россию нужно датировать концом сентября 1806 года. В паспорте, который имел на руках Август Семен, Префектура Парижа указала и приметы, которые мы здесь приведем:

Возраст — 25 лет
Рост — 5 пье [=162,4 см]
Волосы, брови — темнорусые
Глаза — карие
Нос — обычный
Губы — небольшие
Чело — округлое
Лицо — дородное

Также можно сделать важное замечание относительно возраста француза: на момент выдачи префектурой Парижа паспорта — 29 августа 1806-го — ему было 25 полных лет. Согласно с приведенными А. И. Марковой данными свидетельства о смерти Семена из архива Люневиля («8 марта 1862 в возрасте 80-ти лет»), она взамен указанной Б. Л. Модзалевским даты рождения

¹⁴ Дружинин П. А. История написания и издания книги «Историческое собрание списков кавалерам четырех российских императорских орденов» // Бантыш-Каменский Н. Н. Списки кавалерам российских императорских орденов / Изд. подгот. П. А. Дружинин. М., 2006. С. 5–55.

¹⁵ Markova A. Auguste-René Semen, imprimeur, éditeur et marchand-libraire parisien à Moscou // La France et les français en Russie: Nouvelles sources et approches (1815–1917) / Archives Nationales. Études et rencontres de l'École des chartes, 34. Paris, 2011. P. 264.

¹⁶ АВПРИ МИД РФ. Ф. 1 (Административные дела). Оп. II-23 (1806). Д. 1. Л. 217.

«1783» указала «ок. 1781»¹⁷, поскольку исходя из свидетельства даты смерти и числа полных лет можно было точно сказать лишь о том, что А. И. Семен родился не ранее 9 марта 1781-го и не позднее 8 марта 1782 года. Исходя из настоящего документа, который показывает, что он мог родиться не ранее 30 августа 1780-го и не позднее 29 августа 1781-го, мы можем наконец указать точный год рождения выдающегося русского типографа и издателя Августа Ивановича Семена — 1781 (не ранее 9 марта и не позднее 29 августа).

Весной 1817 года Н. С. Всеволожский решил избавиться от типографии, которая после событий 1812 года перестала приносить обещанный доход. Тут подвернулось счастливое обстоятельство: Министерство народного просвещения нуждалось в типографии для Главного управления училищ, чтобы снизить себестоимость печатаемых учебников. В том же году была достигнута договоренность о продаже, а в начале 1818 года станы были перевезены в Петербург. Далее процитируем статью В. В. Захарова: «К началу 1818 г. в одном из корпусов Департамента [народного просвещения], выходявшем на Чернышев переулок, установили привезенные из Москвы 11 дубовых печатных станов и уникальный для России „большой резец“ — машину, обеспечивавшую особо высокое качество словолитной работы. Все они были сделаны по заказу Всеволожского в 1809–1811 гг. в Париже. Вместе с оборудованием типографии, за которое было уплачено 60 тыс. рублей ассигнациями, в Петербург приехали 13 крепостных типографов Всеволожского, за которых заплатили 35 тыс. руб. асс. Все эти люди „по тому уважению, что они своими трудами будут приносить пользу чрез издаваемые оным Правлением учебники“, Сенатским указом от 17 января 1818 г. были исключены „из подушного оклада“ и освобождены „от прочих казенных повинностей“ и из помещичьих крепостных превратились в казенных мастеровых...»¹⁸

Избавляясь от типографии как от «неприбыльного актива», Николай Сергеевич не хотел оставить без средств Августа Семена, а потому был найден довольно изящный выход: оставить Рене-Семену небольшую часть типографского оборудования и заказать в Париже и Лейпциге самые новые шрифты. Тем самым, продавая Министерству народного просвещения

¹⁷ Впрочем, ранее она разделяла точку зрения Б. А. Модзалевского. См.: Маркова А. Август Семен, [!] типограф, словолитчик, издатель // Библиофилы России: Альманах. Т. VI. М., 2009. С. 385–401.

¹⁸ Захаров В. В. Сведения о некоторых петербургских типографиях (1810–1830-е годы) // Книга: исследования и материалы. Сб. 26. М., 1973. С. 65–79.

для Главного управления училищ собственно типографию, Всеволожский не только содействовал обновлению типографского оборудования, но и сохранил добрую часть московских заказчиков, которые уже привыкли иметь дело с Рене-Семеном. Последний же в результате всей этой купли-продажи оказывался в прибыли, обретая свое собственное дело.

Одновременно Н. С. Всеволожский, пользуясь своим постом управляющего московским отделением Императорской медико-хирургической академии в звании вице-президента, решил пособить Семену официальным статусом будущей типографии. С этой целью он написал представление князю А. Н. Голицыну:

Господину Управляющему Министерством Народного Просвещения
От Вице-президента Императорской
Медико-Хирургической Академии

Представление

Содержатель типографии моей Август Рене Семен, видя, что она скоро продается, в поданном ко мне прошении прописывает, что он, желая здесь в Москве завести во всем моей подобную, хотя не столь обширную, Типографию, заказал уже для сего в Париже и Лейпциге матрицы и шрифты; и как таковую Типографию предполагает он непременно учредить к будущему сентябрю месяцу и тотчас начать в оной работы; то и просит меня исходатайствовать ему дозволение у Вашего Сиятельства, как начальника вверенного мне отделения Академии и покровителя всех художеств, дабы имеющаяся учредиться Типография его называлась Типографией Императорской Медико-Хирургической Академии в Москве, обязуясь за сие право для Академии печатать всякие отдельные листы, как то: для формулярных списков, таблицы для экзаменов, расписания для лекций, этикетки для аптеки и тому подобное, не требуя за сие от Академии никакой платы, кроме бумаги, сколько для чего тогда нужно будет. Относительно же издаваемых от Академии книг и сочинений, то он и сии будет печатать по такой же точно цене, за какую бы и другие вольные Типографии взяли с оные напечатать, с тою только разницею, что он обязуется отвечать как за скорость, так и за особенную пред другими типографиями чистоту и исправность в печатании. Зная, что Академия от печатания даром вышеозначенных листов, которых случается довольно, получит значительную выгоду, и что с другой стороны одно наименование без всяких привилегий никакому заведению и никому лично предосудительно быть не может, ему же дать только некоторое право на

покровительство Правления, я долгом поставил, приняв от него Семена сие прошение, повергнуть оное на благорассмотрение Вашего Сиятельства и подкрепить оное моим ходатайством.

Николай Всеволожской

Мая 26 дня 1817 года¹⁹.

Князь Голицын, рассмотрев это представление 5 июня 1817 года, отложил его до того момента, пока Всеволожский, который в звании вице-президента Медико-хирургической академии был управляющим ее московским отделением, не уступит свою должность тому, кто сможет беспристрастно представить этот вопрос к рассмотрению, начертав: «Отказать до увольн[ения] Всевол[ожского]». Когда же на место Всеволожского заступил Г. И. Фишер, делу был дан ход: 1 декабря тот обратился с представлением к президенту Медико-хирургической академии лейб-хирургу Я. В. Виллие и, донося историю вопроса, просил «об исходатайствовании ему права открыть свою типографию под именем Императорской Медико-Хирургической типографии в Москве» и о предстательстве: «Не благоугодно ли будет испросить от господина МНП утверждения на позволение Августу Рене-Семену открыть свою типографию под именем типографии ИМХА в Москве»²⁰. Уже на следующий день лейб-медик обратился к князю А. Н. Голицыну, переслав представление Фишера, «находя с моей стороны условия на коих упомянутый Рене-Семен сие позволение испрашивает для Академии весьма выгодным»²¹, и предоставлял принятие окончательного решения Голицыну. Не встречая никаких к тому препятствий и считая предложение А. И. Семена весьма выгодным и одновременно не требующим никаких расходов от казны, А. Н. Голицын, находившийся в тот момент в Москве, 18 декабря обратился к О. П. Козодавлеву, члену Комитета министров, дабы «войти о сем с представлением вашим в Комитет»²², что О. П. Козодавлев и исполнил, подав свое представление к заседанию Комитета министров 26 января 1818²³. После рассмотрения этого вопроса было решено докладывать императору Александру I, который и решил дело. Приведем выписку из Журнала Комитета министров от 26 января и 19 февраля 1818 года:

¹⁹ РГИА. Ф. 1297. Оп. 9-в. Кн. 107. Д. 75. Л. 25–25 об.

²⁰ РГИА. Ф. 1297. Оп. 9-в. Кн. 107. Д. 75. Л. 27.

²¹ РГИА. Ф. 1297. Оп. 9-в. Кн. 107. Д. 75. Л. 26.

²² РГИА. Ф. 1297. Оп. 9-в. Кн. 107. Д. 75. Л. 28–28 об.

²³ РГИА. Ф. 1297. Оп. 9-в. Кн. 107. Д. 75. Л. 29–30.

Комитет в заседании 26 января по выслушании прилагаемой при сем записки министра внутренних дел, управляющего Министерством духовных дел и народного просвещения о дозволении состоящей в Москве типографии Рене Семена именоваться Типографией императорской Медико-Хирургической Академии, — положил сие представление утвердить, о чем сообщить министру внутренних дел, управляющему Министерством духовных дел и народного просвещения выпискою из сего журнала. В заседании 19 февраля Комитету объявлено, что Государь Император на сие соизволяет.²⁴

II. Издание «Жизни Николая Николаевича Бантыша-Каменского»

Попытки установить автора этой книги, подтвердив или опровергнув авторство Дмитрия Николаевича, побудили нас внимательно просмотреть материалы Московского цензурного комитета. Именно здесь удалось найти ответ. Первые сведения датированы 18 сентября 1816 года: в этот день в журнале вновь поступивших в цензуру рукописей и направления их цензорам отмечено: «Жизнь Н. Н. Бантыш-Каменского... г-ну профессору Снегиреву»²⁵; автор в настоящем случае не указан, поскольку часто эти записки ограничивались названием, имена же авторов (переводчиков) обозначались в цензурных реестрах далеко не всегда. Фамилия представившего рукописи в цензуру часто не имела к автору никакого отношения — в большинстве случаев это был посыльный из типографии.

Рассмотрение книги состоялось в заседании Цензурного комитета 2 октября. Протицируем запись подлинного журнала заседания:

1816 года, Октября 2 дня, в Ценсурном Комитете при Императорском Московском Университете в присутствии господина председательствующего ректора и кавалера [И. А.] Гейма и господ деканов [А. А.] Прокоповича-Антонского, [Е. О.] Мухина, [А. А.] Цветаева, [М. Г.] Гаврилова.

Слушано:

от господина камер-юнкера и кавалера Дмитрия Бантыш-Каменского объявление, коим извещает, что рукопись, содержащую в себе жизнь покойного его родителя Николая Николаевича Бантыш-Каменского дозволяет

²⁴ РГИА. Ф. 1297. Оп. 9-в. Кн. 107. Д. 75. Л. 31.

²⁵ ЦИАМ. Ф. 31. Оп. 1. Д. 48. Л. 113.

он издателю оной кандидату императорского Московского университета Петру Калайдовичу подать в цензуру и напечатать; в удостоверение чего сим же свидетельствует, что ни он, ни родственники его вступаться в сие издание и прекословить в оном означенному Калайдовичу не будут.

Определено:

принять означенную рукопись на рассмотрение от кандидата Петра Калайдовича, и если она не содержит в себе ничего противного Уставу о Цензуре, пропустить ее обыкновенным порядком²⁶.

Письмо, написанное по этому поводу Д. Н. Бантышем-Каменским, сохранилось. Оно было затребовано цензурой и подано перед заседанием 2 октября:

В Цензурный Комитет,
учрежденный при Императорском Московском Университете
от камер-юнкера и кавалера Дмитрия Бантыша-Каменского

Сим честь имею известить, что я прочтя книгу, содержащую в себе Жизнь покойного моего родителя Николая Николаевича Бантыша-Каменского, дозволил издателю оной кандидату Императорского Московского Университета Петру Калайдовичу подать ее в цензуру и напечатать; в удостоверение чего сим же свидетельствую, что ни я, ни родственники мои вступаться в сие издание и прекословить в оном означенному Калайдовичу не будут.

28 сентября 1816 года.

Дмитрий Бантыш-Каменский²⁷

Когда все трудности, возникшие при рассмотрении книги, были разрешены согласием Д. Н. Бантыша-Каменского, Цензурный комитет в своем заседании 20 октября одобрил рукопись к печати²⁸.

Таким образом, настоящим автором «Жизни Николая Николаевича Бантыша-Каменского» был Петр Федорович Калайдович (1791–1839), археограф и филолог, брат известного историка Константина Федоровича Калайдовича и «соучастник брата во всех первых ученых и литературных предприятиях»²⁹.

²⁶ ЦИАМ. Ф. 31. Оп. 1. Д. 48. Л. 117.

²⁷ ЦИАМ. Ф. 31. Оп. 1. Д. 48. Л. 118–118 об. Автограф.

²⁸ ЦИАМ. Ф. 31. Оп. 1. Д. 48. Л. 122.

²⁹ Бессонов П. А. Константин Федорович Калайдович: Биографический очерк // Чтения в Императорском обществе истории и древностей российских при Московском университете. М., 1986. Кн. III, июль–сентябрь. С. 7.

